

ТЕАТР,

наши гости

ОБРАЩЕННЫЙ В СОВРЕМЕННОСТЬ

ПРАЖСКИЙ национальный театр показал вслед за Шекспиром «Из жизни насекомых» Карела и Йозефа Чапеков и «Дом Бернарды Альбы» Федерико Гарсия Лорки. Обнаженная театральность — и суровый сосредоточенный реализм. Дерзновенный сценический гротеск и неподдельно правдивые чувства.

Почти полвека назад братья Чапеки написали свой сатирический памфлет, в котором едко высмеяли разновидности современного им мещанства — от замкнувшихся в узком эгоистическом мире обывателей до потенциальных фашистов, стоящих у кормила государственной власти. Зоркость, общественный темперамент драматургов как бы помножаются на опыт, ум режиссера Мирослава Махачека, художника Йозефа Свободы, на талант актеров театра. Спектакль пражан воинствующе актуален, заставляет невольно вспомнить слова Маяковского:

Театр — не отображающее
зеркало,

Но увеличивающее стекло...

В нем все укрупнено, приближено к зрителю. Действие вынесено на авансцену: герои как бы прижаты к рампе двумя громадными, покрытыми сеткой пчелиных сот зеркалами, поставленными несколько под углом друг к другу и планшету. Перед нами, словно на предметном стекле микроскопа, возникает мир насекомых.

Пошлый флирт развращенных светских «мотыльков». Тупая страсть к накопительству «жуков»-стяжателей. Духовное убожество обывателей-«сверчков». Жестокость пожирающего их дельца «жука-наездника». Наконец, военная истерия в «муравьином» государст-

ве, которое претендует на мировое господство (это, бесспорно, лучшая сцена спектакля). Каждый эпизод значителен, каждое «насекомое» запоминается и легко узнаваемо. Но выделить что-либо в стремительном спектакле пражан невозможно. Здесь все прочитывается слитно, каждая сцена, персонаж — это всего лишь этап познания с виду забавного, наивно красочного, а на деле жутковатого, зловеще равнодушного, связанного круговой порукой преступлений мира.

Да, Бродяге, попавшему в страну насекомых, приходится худо. Актер Ладислав Пешек с удивительной мягкостью играет своего простоватого, душевного героя, в котором под влиянием увиденного просыпается разум. Его Бродяга переходит от благодушия к осознанию своей ответственности за происходящее, к активному протесту. Но что он может один?

И тогда Ладислав Пешек вместе с другими участниками спектакля — от своего имени, от имени театра — обращается к залу за помощью, доверительно просит проверить, не живет ли в ком-нибудь та или иная «насекомья» черточка...

Могучие, из грубо побеленного камня, оголенные стены дома Бернарды Альбы воздвиг на сцене Йозеф Свобода. Художник создал образ семейной твердыни, не подвластной времени, потрясениям, бурям, образ жилья, в котором нет ничего жилого и все происходит по одному и раз навсегда принятому ритуалу. Но именно здесь, в этом доме, напоминающем тюремный каземат, закипят начем не сдерживаемые страсти.

Спектакль, поставленный режиссером Альфредом Радоком, прост и определен. Его конфликты наме-

чаются сразу же и туго стягиваются в единый узел. На смену тягучим, замедленным ритмам безрадостного быта приходит беспокойная грозовая атмосфера размолвок. Каждая героиня живет здесь своей особой жизнью, обладает своим нравом, характером. Но и у властной Бернарды, и у ее служанки Понсии, сыгранных В. Фабриановой и Д. Меджицкой на той степени совершенства, когда искусство обращается в самую жизнь, и у робкой, терпеливой и тщетно ждущей счастья Ангустиас (Я. Крулишова), у насмешливой и опустошенной Магдалены (Л. Скоржепова), у нелицом ушедшей в мелочи Амелии (Н. Гаерова), у сжигаемой ревностью дурнушки Мартирио (Н. Пирайлова) — одна на всех, общая судьба.

Лорка назвал свою пьесу «драмой о судьбе женщины в испанских селениях». Эту драму и раскрывает прежде всего Пражский национальный театр. И ни у кого нет сил, чтобы разломать каменные стены дома Бернарды Альбы. Нет крыльев, чтобы взлететь к солнцу. Но у одной из героинь все же они нашлись, эти силы: крылья выросли у Аделы. Режиссер и молодая талантливая актриса Ярослава Тврзниковича показывают, что и в душу их бунтующей героини мало-помалу проникает эгоизм — невозможно сохранить «душу живую» в столкновении с веками освященным образом жизни. Но вместе с тем они открывают в Аделе такую цельность характера и внутреннюю силу, такую всепобеждающую волю к освобождению, что все другие мотивы образа отходят на второй план.

Любовь дала Аделе крылья. Но в доме, нет, в мире Бернарды Альбы люди не имеют права летать. Адела погибает. И все же смерть ее в спектакле пражан — это удар молнии в семейную твердыню Бернарды, это вызов, брошенный миру бесчеловечной морали, насилия, несправедливости.

Гастроли Пражского национального театра принесли нам радость встречи с искусством высокого общественного звучания, обращенным в современность.

А. ЯКУБОВСКИЙ